

рапию, дополнительные реабилитационные мероприятия и помощь в социализации. Будущее стоит за исследованиями, опирающимися на современную экспериментальную психологию, где оценка психологических переменных, данные психометрических шкал, психофизиологические тесты, различные парадигмы экспериментального психологического моделирования ситуаций реальной жизни соотносятся с глубинными биологическими механизмами (генетикой, эпигенетикой, нейровизуализацией) на основе строго научного подхода с использованием доказательного дизайна и адекватных статистических инструментов [4].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Салехов, С. А. Психологический стресс как фактор развития психосоматических заболеваний / С. А. Салехов // Вестник Новгородского государственного университета. – 2016. – № 1(92). – С. 94–98.
2. Попков, В. М. Факторы, влияющие на развитие психосоматической патологии / В. М. Попков [и др.] // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. – 2011. – Т. 1. – № 7. – С. 6–12.
3. Слюсарева, Е. С. Антропологический подход в профилактике психосоматических расстройств: учебно-методическое пособие / Е. С. Слюсарева, Е. В. Евмененко, Е. Л. Тинькова. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. – 156 с.
4. Лаврова, М. А. Основы психосоматики : учебное пособие / М. А. Лаврова, Н. А. Томина, Я. И. Коряков ; под общ. ред. М. А. Лавровой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. – 146 с.
5. Собенников, В. С. Соматизация и психосоматические расстройства: монография / В. С. Собенников, Ф. И. Белялов. – Иркутск: РИО ИГИУВа, 2010. – 230 с.

УДК 821.161.1-322.2.Лесков

Т. Н. Усольцева

Учреждение образования
«Гомельский государственный медицинский университет»
г. Гомель, Республика Беларусь

«БЕЛЫЙ ОРЕЛ» Н. С. ЛЕСКОВА: К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ

Введение

Жанр рассказа «Белый орел» первоначально Лесков определил как святочный, но во время работы над собранием сочинений писатель не включил его в цикл святочных рассказов, а обозначил как фантастический. Лесков всегда много размышлял о жанровой природе своих произведений и тщательно подходил к определению жанра, поэтому важно понять, чем было обусловлено решение автора. Писателя сложно заподозрить в стремлении следовать модным тенденциям, тем более что литераторы в этот период активно обращались как к жанру святочного рассказа, так и к фантастике.

Современные исследователи также не пришли к единому мнению: никто не может игнорировать жанровые определения, данные самим автором, но и однозначно принять его последнюю позицию оказывается затруднительно. Так, Р. Н. Поддубная приходит к выводу, что при соблюдении жанрового канона святочного рассказа в «Белом орле» «содержание и функции фантастического... превышают меру требований святочного жанра» [1, с. 35]. Е. В. Душечкина, отмечая «заштампованность и стереотипность», свойственные святочному рассказу, писала, что к лучшим образцам этого жанра можно отнести произведения, в которых авторы «оказываются в состоянии дать оригинальную и неожиданную трактовку “сверхъестественного” события, “нечистой силы”, “рождественского чуда” и других основополагающих для святочной литературы понятий» и выходят «за пределы привычного круговорота святочных сюжетов» [2].

Цель

Выявление специфики фантастического в рассказе «Белый орел», позволившей Лескову перешагнуть границы святочного жанра и отнести к фантастическим рассказам.

Материал и методы исследования

При анализе текста произведения Н. С. Лескова «Белый орел» используется сравнительно-исторический метод с элементами структурного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

События, описанные в рассказе «Белый орел», происходят накануне Рождества и Нового года, в нем формально соблюдены все черты жанра святочного рассказа, которые писатель сам определил в «Жемчужном ожерелье». Выделяя черты этого календарного жанра, Н. С. Лесков обращает внимание и на то, что святочный рассказ – это «такой род литературы, в котором писатель чувствует себя невольником слишком тесной и правильно ограниченной формы» [3, с. 433]. При этом, с его точки зрения, в святочном рассказе гораздо важнее наличие чуда, нежели временная отнесенность. Чаще всего чудесное у Лескова не связано с чем-либо мистическим или ирреальным, оно обусловлено стечением реальных событий, способствующих нравственному перерождению личности, или существованием высоконравственного персонажа, верного своим убеждениям, несмотря на соблазны, которые предоставляет ему окружающая действительность.

В рассказе «Белый орел» чудесное имеет иную природу. Писатель акцентирует внимание на субъективности изложения событий: рассказчик повествует о событиях, которые произошли давно, поэтому уже сложно определить, так ли это было на самом деле или это восприятие одного конкретного человека, невольно попавшего в неприятный для него переплет. Кроме того, слушатели этой истории – это люди, увлеченные мистикой, поэтому от рассказчика не требовалось доказательств, «ему верили или по край ней мере притворялись, будто верят» [3, с. 6]. Однако, с точки зрения автора, в каждой рассказанной истории наиболее интересными оказывались не фантастические события, а рассказчик, его характер и внутренний мир. Субъективность описанных событий подчеркивает и форма рассказа в рассказе: восприятие мира рассказчика воссоздается через личностные представления автора о мире и человеке.

Атмосфера рассказа буквально перенасыщена присутствием смерти и карнавала. Рассказ построен на антитезе «жизнь – смерть», которая осложняется мотивом игры, реализованном как на сюжетном, так и на стилевом уровнях.

В произведении нет конкретного носителя фантастики, но присутствуют, с точки зрения рассказчика, таинственные, необъяснимые обыденной человеческой логикой события. Н. С. Лесков обращается к традициям романтиков, точнее – Н. В. Гоголя, он использует систему приемов завуалированной фантастики, поэтому читатель сталкивается с ситуацией, когда текст можно прочитать и как фантастический, и как реалистический. На эту особенность восприятия обращал внимание Ю. В. Манн: «В произведениях с завуалированной фантастикой <...> оставалась возможность второго («реального») прочтения» [4, с. 87].

Лесков использует традиционные приемы системы завуалированной фантастики – слухи, совпадения, сны (видения). Но писатель не просто копирует приемы, которыми активно пользовались романтиками, он переосмысливает их и адаптирует под свои художественные задачи. Лесков стремится еще больше размыть границы между фантастическим и реальным, поэтому зачастую и слухи, и совпадения, и сны объясняются происходящими событиями, внутренним психологическим состоянием персонажей, но при этом автор все-таки оставляет эпизоды, которые выходят за рамки понимания с точки зрения реальных законов действительности.

Двигателем сюжета в рассказе становятся слухи: слухи о злоупотреблениях губернатора П-ва послужили завязкой рассказа, а точнее – причиной, по которой Галактион Ильич отправился в провинцию для выяснения обстоятельств дела. Развитию сюжета содействуют городские слухи о его виновности в смерти Ивана Петровича, они оказывают на Галактиона Ильича особенно тяжелое впечатление, заставляют вновь и вновь переживать это событие и чувствовать свою вину по непонятной причине, а слухи, дошедшие до Петербурга, добавляют неприятностей: удача отворачивается от «худородного вельможи», карьера приостанавливается, его перестают отмечать по службе.

В некоторых случаях слухи являются всеобщими, когда о каком-то событии или явлении говорят все, и выяснить источник распространения оказывается невозможно. После смерти Ивана Петровича Галактиону Ильичу кажется, что весь город говорит о том, что он «сглазил» Ивана Петровича. Слухи эти охватывают и Петербург, при этом никто не знает точно, что произошло, но есть «какая-то история», в которой «какой-то чиновник <...> как-то подозрительно умер» [3, с. 24].

Иногда слухи имеют конкретного носителя, и в таком случае они скорее способствуют созданию картины нравов конкретных людей. Так, протопоп, который постоянно «священнобедничал» [3, с. 17] Галактиону Ильичу, ему говорил, что Ивана Петровича отравили, чтобы последний не рассказал ничего лишнего, но, когда высокий чиновник возвращается в Петербург, оказывается, что на него поступило много кляуз, среди которых было и письмо от протопопа.

Слухи имеют в рассказе огромное значение, они представляют собой некий срез общественного мнения, убеждений, представлений людей о мире, их уровень нравственности и образованности. Но при этом центральные персонажи произведения не укладываются в рамки всеобщей молвы. Конкретный человек оказывается гораздо глубже и многообразнее, нежели мнение, распространяющееся с помощью слухов.

Совпадения, постоянно встречающиеся в рассказе, усложняют игровое начало, заставляют читателя отказаться от однозначного прочтения текста. Некоторые совпадения в тексте могут быть объяснены психологическим состоянием человека: почерк на конверте, где был экземпляр приказа о награждении Белым орлом, был, по мнению Галактиона Ильича, не забывшего неприятную историю, произошедшую с ним в провинции, почерком Ивана Петровича. Другие же совпадения можно объяснить еще более прозаически: человек, который был «немножко заспан» [3, с. 25], увидел в чиновнике, доставившем приказ, Ивана Петровича не только потому, что был спросонья, но и потому, что ежедневно видел его фотографию, которая стояла в комнате.

Однако есть и такие совпадения, которые невозможно объяснить с точки зрения логики, но которые заставляют задумываться над тем, что реальность далеко не всегда может быть объяснена рационально. Образ белого орла, несомненно, имеющего в рассказе символическое значение, приобретает благодаря странным совпадениям все новые и новые смыслы. Галактиону Ильичу обещана награда – «белый орел» [3, с. 9], но памятная тетрадь, в которую сделана пометка об этом, хранится под пресс-папье «убитая птичка», а присланный ему пышущий здоровьем чиновник, которого между собой все зовут Белый орел, с фамилией Аквиляльбов (с латинского *Aquila alba* – белый орел), через несколько дней будет лежать в гробу «как подстреленный» [3, с. 21].

В рассказе «Белый орел» Лесков обращается не только к снам, но и к видениям, при этом он точно отделяет одно явление от другого. В день своей смерти Иван Петрович снится Галактиону Ильичу. И сон этот явно относится к вещим снам: Иван Петрович называет причиной своей смерти сглаз и обещает отомстить Галактиону Ильичу. С одной стороны, этот сон прольет свет на происхождение слухов о причине смерти молодого

чиновника, но, с другой стороны, привнесет некое мистическое ощущение: в то время, когда «худородный вельможа» прикорнул в кресле и увидел странный сон, Иван Петрович, молодой жизнерадостный человек, «прилег на диван да и умер» [3, с. 19]. С того момента как Галактион Ильич узнает об этой странной смерти, его начнут преследовать видения: то ему мерещился Иван Петрович среди гостей губернатора, то ему казалось, что мертвец едет с ним карете или сидит на краю кровати, то он мелькает среди гостей в Петербурге на званом ужине... Интересно, что уходит Иван Петрович из жизни Галактиона Ильича тоже во сне, когда тому слышалось, как «что-то где-то пело самые глупые слова: “До свиданс, до свиданс, – же але о конраданс”» [3, с. 25].

Конечно, проще всего свести эту историю к анекдоту: петербургский чиновник, которого подозревали в том, что он не «в своем здоровье», так расстроился из-за отсутствия обещанной награды, что ему виделись какие-то духи до тех пор, пока он эту обещанную награду не получил. А как получил – сразу выздоровел. Но Лесков уходит от подобной прямолинейной трактовки именно благодаря приемам завуалированной фантастики, когда становится сложно уловить границу между реальным и мистическим.

Заключение

В рассказе «Белый орел» Лесков выходит за рамки святочного рассказа, здесь нет того нравственного урока, которого требовал данный жанр. Но писателю, стремившемуся заглянуть запечатлеть реальность как можно более точно и достоверно, удалось изобразить широкую панораму российской действительности, от светского Петербурга до провинции, ту жизнь, в которой все подчинено стремлению подняться по карьерной лестнице и разбогатеть именно благодаря использованию приемов завуалированной фантастики. При этом самым фантастичным в рассказе оказывается то, что встречаются в этой действительности люди, которые могут довольствоваться малым и искренне верят, что «жизнь на радость им дана».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поддубная, Р. Н. О фантастическом в рассказе Н. С. Лескова «Белый орел» / Р. Н. Поддубная // Творчество Н. С. Лескова. – Курск, 1986. – С. 29–49.
2. Душечкина, Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра – СПб, 1995. –Е. В. Душечкина – Режим доступа: <https://loveread.info/books/other/page-49-190297-russkii-svyatochnyi-rasskaz-stanovlenie-zhanra-elena.html#fullstory-text> – Дата доступа: 25.08.2024.
3. Лесков, Н. С. Собр. соч. : в 11 т. / Н. С. Лесков – Т. 7. – М.:, 1958.
4. Манн, Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю. В. Манн – М., 1978.

УДК 159.9

В. И. Филипович

Учреждение образования

«Гродненский государственный медицинский университет»

г. Гродно, Республика Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Введение

Личность врача в своем функциональном арсенале должна обладать высокими уровнями сформированности регулятивных процессов. Врач должен быть способен к са-